

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВЫХ СОЦИАЛИСТОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ (1945—1947)

А. Макфред

О Бурбонах, вернувшихся во Францию после революции и наполеоновского периода, говорили: «Они ничему не научились и ничего не забыли». Это же можно было сказать и о правых социалистах во Франции после второй мировой войны.

Годы величайших испытаний Франции — национальная катастрофа, неизмеримые страдания и бедствия французского народа, порабощение страны немецко-фашистскими завоевателями — прошли бесследно для лидеров французской социалистической партии. Они ничему не научились из страшных уроков истории и ничего не забыли из своего многолетнего опыта предательства интересов рабочего класса и народа своей страны. А между тем у французской социалистической партии было больше, чем у других, оснований для того, чтобы задуматься над уроками происшедшего и критически пересмотреть всё своё прошлое.

На руководстве французской социалистической партии лежала значительная доля вины за катастрофу, постигшую Францию в годы второй мировой войны. Вместе с другими могильщиками Франции социалистические лидеры были соучастниками долголетней политики умерщвления живых демократических сил третьей республики, закономерно приведшей к разгрому и крушению Франции в 1940 году.

Со времени раскола на Турском съезде 1920 г., когда все лучшие элементы социалистического движения примкнули к компартии, социалистическая партия, сохранившая в своих рядах зловреднейших социал-империалистов типа Реноделя и Блюма, пополнившая свои кадры различными ренегатами и изменниками рабочего движения, удерживающая за собою часть рабочих лживой демагогией и тонким обманом, окончательно перешла на сторону буржуазии и стала активной силой в борьбе буржуазной реакции против рабочего класса. Французская социалистическая партия превратилась в «основную опору политики соглашения с империализмом»¹.

Свою основную функцию — служение реакционной буржуазии, борьба против революционного пролетарского движения — социалистическая партия выполняла разными методами, но главным из них была политика раскола рабочего класса и демократических сил французского народа, прикрываемая лживыми софизмами, обманом, хитроумными маневрами. К началу второй мировой войны за плечами Блюма и других главарей социалистической партии было двадцать лет изощрённой и злобной борьбы против коммунистической партии — передового отряда французского рабочего класса и подлинного защитника французского народа.

Блюм и другие правые социалисты были вдохновителями и инициаторами политики раскола французских профсоюзов. В меру своих сил социалистические лидеры саботировали и чинили препятствия стремлению рядовых рабочих своей партии к установлению единства с рабочими-коммунистами. Когда после фашистского мятежа в феврале 1934 г. руководство социалистической партии под давлением низов партии было вынуждено пойти на подписание пакта о единстве дей-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 54, 11-е изд.

ствий с коммунистической партией (27 июля 1934 г.), Блюм на страницах «Populaire» откровенно признавался: «Бежишь вниз скорее в силу инерции, чем по собственному желанию... Это прыжок в неизвестность». Приблизившись по необходимости к движению Народного фронта и оказавшись, благодаря его победе на выборах 1936 г., партией, возглавившей правительство, социалисты блюмовского толка сделали всё от них зависевшее, чтобы разрушить это могучее народное движение, открывшее перспективы возрождения Франции.

В момент небывалой активности рабочего класса и трудящихся, стремившихся после победы Народного фронта к осуществлению своих законных требований, Блюм, ставший главой правительства, опиравшегося на Народный фронт, выступил в роли спасителя реакционной буржуазии. Позднее, на Риомском процессе в 1942 г., Блюм открыто хвастался ролью, которую он сыграл в дни победы Народного фронта.

Рассказывая о панике и дезорганизации, охватившей буржуазию в 1936 г., Блюм горделиво добавлял: «И я должен вам сказать, что в этот момент среди буржуазии, и в частности в мире предпринимателей, меня рассматривали и ждали как спасителя и как на спасителя на меня надеялись»².

Блюм и его единомышленники оправдали возлагавшиеся на них буржуазией надежды. Они сковали силы рабочего класса, сорвали его усилия, взорвали движение Народного фронта изнутри. Они раскололи ряды Народного фронта, единственной силы, способной защитить свою родину от надвигавшейся уже опасности со стороны гитлеризма.

Руководство социалистической партии вместе с другими буржуазными партиями разделяло ответственность и вину за преступную, противоречившую государственным интересам страны внешнюю политику Франции в период между двумя мировыми войнами. Блюм и соучастники его преступлений двадцать лет фабриковали самую гнусную, отравленную ядовитой ненавистью клевету против Советского Союза. Вместо борьбы против гитлеровской агрессии они поставляли буржуазной реакции лживые, жульнические аргументы для оправдания проводимой правительствами Франции политики изоляции СССР.

Подлыми и лживыми софизмами о «святом долге» сохранения мира они прикрывали позорную и преступную политику поощрения фашистских агрессоров, мюнхенского сговора. Французские правые социалисты были такими же могильщиками своей родины, как прямые и косвенные предатели Франции, открывшие Гитлеру дорогу в Париж³.

Социалистическая партия ответственна также и за то, что она взрастила в своих рядах людей, оказавшихся в дни испытаний Франции прямыми врагами французского народа, усердными пособниками фашистских поработителей — вишнйскими предателями. Нельзя признать случайным, что такие «столпы» вишнйского изменнического режима, как Марсель Деа или Адриен Марке, вышли из недр социалистической партии, или что бывший её генеральный секретарь Поль Фор, или один из её лидеров, Спинас, оказались предателями и гнусными коллаборационистами.

Ни Блюм, ни многие другие главари французской социалистической партии не переживали вместе с французским народом его страданий и не участвовали в его героической освободительной борьбе против фашистской тирании. Вернувшись в Париж, освобождённый героическими отрядами французских патриотов, ведомых коммунистами, они увидели перед собой новую страну, новый народ, новые устремления. Бойцы

² Blum L. L'histoire jugera, p. 296. Montréal. 1943.

³ См., например, предложение Блюма о сделке с гитлеровским правительством. МИД СССР. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. II, стр. 257—267. 1948.

антифашистского подполья, солдаты армии Сопротивления, простые люди, прошедшие через горнило страшных испытаний, не хотели возврата к позорному и гибельному прошлому. Они были полны ненависти к «двумстам семействам», к трестам и их политической агентуре, обрекшим французский народ на безмерные страдания и унижения. Они видели своего вожака в коммунистической партии — застрельщике, вдохновителе и организаторе движения Сопротивления. С любовью и уважением они произносили имя Сталина, вождя великой страны социализма, разгромившей германский фашизм и спасшей мир, в том числе Францию, от гитлеровской тирании. Они называли площади своих городов именем Сталинграда — чудодейственным словом, олицетворяющим борьбу и победу, вливающим в них силы и надежду в суровые дни антифашистской войны.

Создавая новую, четвертую республику, французский народ хотел сделать её непохожей на прежнюю, очищенной от скверны прошлого, подлинно народной. В этом могучем народном движении, стремившемся к обновлению и возрождению Франции, плечом к плечу с коммунистами шли и многие рядовые рабочие-социалисты, сражавшиеся против фашистского ига рядом с коммунистами в армии Сопротивления.

Доверчивые люди могли ожидать, что доказанная опытом гибельность политики социалистической партии довоенных лет заставит её пересмотреть свои взгляды и тактику, вынудит её сбросить со своих плеч груз позорного прошлого.

«Они ничему не научились и ничего не забыли». Леон Блюм, Даниель Мейер, Жюль Мок и другие, вернувшись к руководству социалистической партией в освобождённой не их усилиями Франции, остались теми же, кем были и раньше, — лакеями буржуазной реакции, врагами рабочего класса и народа своей страны. Конечно, как и прежде, они всячески скрывали эту свою истинную роль. Они принимали позу борцов за интересы народа и «подлинной демократии», они произносили речи и писали статьи и книги о том, что «буржуазия бессильна» и не может более управлять, что народ справедливо требует новой организации общества, что пришла пора для новой, «народной и социальной демократии»⁴. Они и раньше были ловкими профессиональными мастерами лживой демагогии, бессовестного обмана масс «левыми» фразами, — за это-то их ценила и оплачивала буржуазная реакция; это мастерство политического жульничества у них полностью сохранилось и даже обогатилось новыми, приспособленными к «духу времени» обманными трюками.

Народные массы после освобождения Франции стремились к созданию новой, народной демократии. По этому пути их вели коммунисты. Кое-что в этом направлении вначале было сделано. Первое время после освобождения огромную роль в жизни страны играли органы народно-освободительной борьбы — комитеты сопротивления. Руководящей силой народного движения были коммунисты. По их инициативе была проведена первая чистка от вшииных изменников. В августе 1944 г. были отменены законы петэновского режима. В 1944—1945 гг. была проведена национализация угольной промышленности, важнейшей группы банков, страховых обществ и др. Престиж и авторитет коммунистической партии, завоевавшей первое место на ряде выборов, были так велики, что даже такой махровый реакционер, как де Голль, не мог с этим не считаться. В первые годы после освобождения Франции коммунисты входили в состав правительства, и попытки де Голля исключить их из правительства потерпели тогда неудачу. Роль коммунистической партии в восстановлении и обновлении Франции была огромной. Она подняла народные

⁴ См. В I u m L. A l'echelle humaine, p. 69—137. Paris. 1945. 2-me ed.

массы на «битву за производство», она показала путь борьбы за экономическое, социальное и политическое возрождение страны⁵.

Но силы реакции — плутократия, банкиры, трестовики, военщина, католические верхи и их политическая агентура — не были ни добиты, ни даже разоружены; они лишь на время отошли в тень, чтобы оттуда продолжать борьбу и при первой благоприятной возможности перейти в контрнаступление. Уверенность силам реакции придавали англо-американские войска, после освобождения Франции намеренно задерживаемые в стране. Англо-американские вооружённые силы и их командование были важнейшей опорой реакции. В борьбе сил демократии и реакции англо-американские войска сыграли очень крупную роль, неизмеримо усилили позиции реакции в стране, способствуя переходу реакции в контрнаступление. К тому же реакция с первых же дней освобождения Франции имела легальное и весьма влиятельное представительство в правительстве, государственном аппарате, армии в лице генерала де Голля и его окружения. Французская реакция в годы войны делала ставку и на Петэна и на де Голля. Как удачно определил Ж. Дюкло, «буржуазия создавала себе двойные гарантии»⁶. Существенное различие между тем и другим было лишь во внешнеполитической ориентации, но не в классовой и политической природе. По выражению французского публициста Эдгара Морена, деголизм являлся тем же петэнизмом, но антинемецкой направленности.

Де Голль, опираясь на поддержку английского и американского империализма, в особенности английского, с которым он был теснейшим образом связан с первых дней своей «большой карьеры», или, что то же, большого заговора против французской демократии, сделал всё от него зависящее, чтобы воспрепятствовать стремлениям народа к демократическому обновлению страны. Однако, несмотря на все усилия буржуазной реакции искусственно затянуть временный режим и укрепить «твёрдую власть» кандидата в диктаторы, де Голлю всё же пришлось уйти.

В развернувшейся борьбе между силами реакции и демократии важнейшее значение приобретал вопрос о сохранении единства рабочего класса и сил демократии. Народ, восставший против фашистских оккупантов и их тайных и явных сообщников в рядах французской буржуазии, располагал своими органами — комитетами Сопротивления, выполнявшими и административные функции, имел свою вооружённую силу — отряды движения Сопротивления, патриотическую милицию и т. п. Если бы между коммунистами и социалистами было осуществлено единство тактики и действий, если бы это единство стало основой комитетов Сопротивления, тогда возможности сил демократии в её борьбе против сил реакции неизмеримо бы возросли.

Под давлением народных низов, выражавших безграничное доверие к коммунистам, съезд социалистической партии в ноябре 1944 г. высказался за сотрудничество с компартией и даже поручил своему руководству обсудить вопрос с коммунистами о создании единой рабочей партии. В декабре того же года в результате переговоров между обеими партиями был создан согласительный комитет, призванный координировать действия коммунистической и социалистической партий.

⁵ См. Benoît Frachon. La bataille de la production. Paris. Editions sociales, 1946; см. также резолюцию ЦК компартии Франции 30—31 августа 1946 г. «Cahiers du communisme» № 9, стр. 891. 1946.

⁶ Дюкло Ж. Французская коммунистическая партия в борьбе за независимость страны, против американского экспансионизма. «Информационное совещание представителей некоторых компартий», стр. 168. Огиз. Госполитиздат. 1948.

⁷ См., например, Андре Вюрмсер. Де Голль и его сообщники. М. 1948; Сурин Н. Движение Сопротивления во Франции в 1942—1943 гг. и де Голль. «Вопросы истории» № 2 за 1949 г.

Но, как показали ближайшие события, для правых социалистов — главарей партии — это сближение с коммунистами было только вынужденным манёвром. Они не хотели единства с коммунистами. Несмотря на формальное существование согласительного комитета, правые социалисты и во временном правительстве и в комитетах национального освобождения ориентировались на блок не с коммунистами, а с деголлистами, с католической партией МРП и другими буржуазными реакционными партиями. Социалисты помогли де Голлю распустить и ликвидировать силы вооружённого народа — отряды внутреннего фронта, патриотическую милицию, партизанские отряды и др. «Социалистический» министр внутренних дел Тиксье боролся против департаментских комитетов сопротивления и фактически прекратил их существование. Когда же в июне 1946 г. правые буржуазные элементы внутри организации движения национального освобождения взяли курс на раскол, социалисты поддержали эти реакционные силы и помогли им произвести раскол этой организации.

Предательство правых социалистов — их переход на сторону буржуазной реакции — помогло де Голлю и его англо-американским покровителям в осуществлении важнейшей для реакции задачи: разоружении военных сил народа, ликвидации созданных им в ходе антифашистской борьбы органов — комитетов национального освобождения.

Однако, несмотря на успехи, достигнутые реакцией, силы народа, демократии были ещё так велики, что реакции все же пришлось отступить: её признанный вожак де Голль должен был покинуть пост главы правительства.

Вынужденный уход де Голля в январе 1946 г. ясно показал, что внутренние силы реакции, даже опирающиеся на связи с американским и английским империализмом, слишком слабы, чтобы одержать верх над демократией и её боевым авангардом — коммунистической партией.

Но реакционная буржуазия после неудач своего ставленника отнюдь не собиралась прекратить борьбу против сил демократии. Вскоре же она нашла более могущественного покровителя, с помощью которого было возобновлено наступление на рабочий класс и трудящихся. Американский монополистический капитал, ставший главной силой империалистической реакции и агрессии, в своих стремлениях к установлению мирового господства уделял и уделяет большое внимание и Франции. Американский империализм поставил себе целью превратить Францию в вассальную от США страну, в американскую полуколонию. Разгром демократических сил Франции является необходимой составной частью этого плана. Ради сохранения своих прибылей, своего богатства, своих привилегий «двести семейств» и реакционная буржуазия Франции были готовы охотно пожертвовать национальным суверенитетом своей страны, её независимостью.

На XI съезде компартии, в 1947 году, М. Торез вполне справедливо утверждал: «Раньше эксплуататоры говорили: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», — сегодня они говорят: «Пусть пропадает Франция, но будут спасены наши привилегии»⁸.

К услугам американского империализма были предоставлены все партии и группы французской реакции — от изменников из прежней фашистской пятой колонны и претендента на роль диктатора де Голля до французских правых социалистов во главе с патриархом предательства и измен Леоном Блюмом.

Во имя корыстных и глубоко реакционных интересов французской финансовой олигархии, из ненависти к коммунистической партии и пролетариату, из страха перед народом, стремившимся добиться подлинно демократического обновления страны, эти разнородные, но объединённые единой целью элементы французской реакции добровольно взяли

⁸ «Cahiers du communisme» № 7, p. 583, Juillet. 1947.

на себя роль агентов американского империализма, послушных исполнителей воли и распоряжений Уолл-стрита. Так создалась американская партия во Франции — блок нефашистских головорезов де Голля, католической реакционной партии — МРП — и социалистов. В этой американской партии французским правым социалистам принадлежит одна из главных ролей.

На протяжении первых лет после освобождения Франции влияние социалистической партии на массы неизменно падало. Наиболее наглядно это выявилося во время ряда выборов, проводившихся в стране в период конституирования четвёртой республики.

На кантональных выборах в сентябре 1945 г. социалисты получили почти столько же голосов, сколько коммунисты.

На выборах 21 октября того же года коммунистическая партия собрала 26,16% общего числа голосов, социалистическая — 24,16%. На выборах 2 июня 1946 г. во второе Учредительное собрание коммунистическая партия добилась небольшого прироста голосов, получив 26,32% голосов, социалистическая партия снова потеряла голоса избирателей, собрав на этот раз 21,16% общего числа голосов. Наконец, на выборах в Национальное собрание 10 ноября 1946 г. коммунистическая партия добилась крупного прироста голосов: она получила 28,2%, — тогда как социалистическая партия вновь потеряла значительное число голосов, собрав лишь 17,9%.

Динамика сокращения числа голосов, полученных за социалистическую партию в течение полутора — двух лет, явственно говорит о прогрессирующем падении влияния этой партии на массы⁹. В абсолютных цифрах это различие в силе влияния коммунистической партии и социалистической партии выглядит ещё ярче: на последних парламентских выборах, 10 ноября 1946 г., за коммунистов голосовало 5476 тыс. избирателей, за социалистическую партию — 3454 тысячи. Это прогрессирующее падение влияния социалистической партии на массы было результатом антинародной, враждебной интересам рабочего класса политики правых социалистов. Несмотря на их искусную лживую демагогию и ловкие тактические маневры, рабочий класс Франции в своём большинстве сумел правильно оценить истинную роль правых социалистов и определить к ним своё отношение, голосуя за единственных защитников интересов пролетариата и демократии Франции — коммунистов. Однако, хотя социалистическая партия и теряла своё влияние на массы и вынуждена была довольствоваться скромным местом третьей по числу мандатов партии, и в Учредительном собрании и в нынешнем Национальном собрании при сложившемся соотношении сил во внутривнутриполитической борьбе во Франции на её долю выпала весьма значительная и ответственная роль.

Новой особенностью политической жизни в послевоенной Франции было создание крупной, располагавшей значительным влиянием на массы католической партии — МРП. Эта буржуазная партия с первых же дней формирования власти после освобождения Франции стала правым крылом в правительственных и иных политических комбинациях.

При таком соотношении сил от позиции и тактики социалистов зависело многое. От того, с кем пойдут социалисты, с коммунистической партией или с МРП, зависело, в какую сторону сложится перевес сил. Коммунисты неоднократно предлагали социалистам совместные действия, соглашения об объединении усилий обеих партий для борьбы против реакции и защиты подлинных интересов народа.

⁹ Падение влияния социалистической партии в дальнейшем ещё явственнее стало видно по сокращению состава самой партии. По официальным данным, число членов партии в конце 1947 г. достигало 323 тыс., к концу 1948 г. в партии осталось 223 тыс. членов.

В январе 1946 г., в период борьбы за конституцию в Учредительном собрании, руководство социалистической партии под давлением низов приняло предложение коммунистов о совместной защите единой линии. Результаты не замедлили сказаться. Согласованные действия коммунистов и социалистов позволили им преодолеть сопротивление правых партий в выработке новой конституции.

Ещё более значительным результатом сотрудничества обеих партий был уход де Голля с поста главы правительства 20 января 1946 г., явившийся прямым следствием объединения действий двух партий. Этот очень короткий опыт сотрудничества коммунистов и социалистов показал, какие огромные возможности открываются перед лагерем демократии. Если бы социалисты не поспешили сорвать эту налаживавшуюся уже солидарность действий обеих партий, если бы они откликнулись на новые предложения коммунистической партии и пошли с ней на соглашение, тогда в соотношении сил демократии и реакции в стране (что является главным) и в представительных собраниях перевес сил явно склонился бы в пользу демократии. Тогда демократия смогла бы отразить натиск реакции и повести страну по пути её демократического обновления.

Опыт сотрудничества коммунистов с социалистами в Польше, Румынии и других странах народной демократии, а также в Италии показывает, к каким плодотворным результатам приводит объединение всех прогрессивных сил под руководством рабочего класса. И во Франции многие рядовые члены социалистической партии и некоторые её низовые организации и отдельные группы проявляли желание и готовность установить спасительное единство действий с коммунистами. На конгрессе социалистической партии в марте 1946 г. раздавались многочисленные голоса, требующие укрепления и развития сотрудничества с коммунистами.

Но правые социалисты, возглавлявшие партию, остались верны себе. Они не колебались в выборе пути: идти налево или направо; «они ничего не забыли» из своего гнусного прошлого и определили своё место в антидемократическом, империалистическом лагере. Они стали со товарищами партий буржуазной реакции, а вместе с ними — французскими лакеями американского империализма.

Борьба против церкви и клерикализма была, как известно, одной из самых прочных и долговечных традиций не только социализма, что разумелось само собой, но и французского буржуазного республиканизма. Французские буржуа воспитывались на этой традиции ещё со времён Вольтера. Позднее, в первые годы третьей республики, Леон Гамбетта, как всем известно, — не социалист, не радикал, а буржуазный умеренный республиканец-оппортунист — бросил нашумевший лозунг: «Клерикализм — вот враг!» В XX веке «тигр» французского империализма Клемансо не считал для себя возможным идти на соглашение с церковью. Но то, что казалось неприемлемым лидерам буржуазии, оказалось вполне с руки людям, именующим себя социалистами. Правые социалисты — Блюм и его сподвижники — завели тесную политическую дружбу с реакционной католической МРП, поделив с ней правительственную власть.

Выборы в Национальное собрание, избранное на основе новой конституции, показали, что за коммунистами и социалистами вместе с близкими им группами шла большая половина избирателей в стране, и, естественно, они могли бы иметь большинство в Национальном собрании. Легко видеть, какие широкие перспективы перед трудящимися Франции, перед делом демократического обновления страны открыло бы создание левого большинства в правительстве, Собрании, стране.

Сразу же после выборов Торез заявил, что коммунистическая партия, как первая по доверию избирателей, готова взять на себя ответственность за руководство страной, готова возглавить правительство,

которое, понятно, мыслилось не как однопартийное. Решение зависело от социалистов. В социалистической партии отдавали себе отчёт в том, что значит идти на сделку с партией МРП. На конгрессе социалистической партии в марте 1946 г. раздавались предостерегающие голоса против политики блока с МРП. «Люди, программа и тактика МРП — всё это инструменты клерикальной пропаганды», — говорил социалист Каттеро. «Нам надо подтвердить расхождение, существующее между нами и МРП»¹⁰, — утверждал Приу-Вальжан. Однако главари партии не прислушались к этим голосам. Они пошли на союз с МРП. Но, предпочитая блоку с коммунистами беспрецедентный союз с католиками, Блюм и его социалистические коллеги переместили центр тяжести вправо.

После кратковременного пребывания у власти чисто социалистического правительства Блюма (с 16 декабря 1946 г. по 16 января 1947 г.), прельщавшего отечественную и заокеанскую реакцию тем, что в нём не было коммунистов, тактика правых социалистов предопределила дальнейшее перемещение правительственной власти вправо. Вместо прежней трёхпартийной правительственной коалиции правительство, образованное в январе 1947 г. социалистом Рамадье, было создано уже на основе многопартийной коалиции, пополненной правыми буржуазными партиями (радикалы, независимые, республиканцы); внутри правительственной коалиции социалистическо-католический симбиоз, поддерживаемый другими буржуазными группами, составлял враждебное коммунистам правое большинство.

Но предательство, в самом точном смысле этого слова, французских правых социалистов этим было далеко не исчерпано. Это была лишь часть их чёрного дела.

Установив беспримерный в политической истории Франции союз «социалистической» и католической партий, укрепив свои связи с другими партиями буржуазной реакции, докатившись в своём падении до прямого сотрудничества — через МРП и непосредственно (хотя и негласно) с погромной бандой де Голля, — Блюм и другие правые социалисты, трудясь над консолидацией сил отечественной реакции, в то же время не забывали и о главном. Их заботой было послушное предупредительно-торопливое выполнение воли могущественного покровителя и хозяина — американского империализма, в руки которого с равной готовностью отдались и Блюм, и Шуман, и Бидо, и де Голль.

В соревновании партий французской реакции за милости американских хозяев правые социалисты показали особую прыть.

Теоретический орган французской компартии справедливо расценивал Блюма как «лучшего во Франции и в мире адвоката американского империализма»¹¹.

В мае 1947 г. «социалистический» премьер Рамадье, по прямому приказу США, с санкции президента республики удалил коммунистов из состава правительства. То, чего не сделал воинствующий кондотьер реакции де Голль, чего не посмел сделать реакционер Бидо, выполнили правые социалисты.

Как и следовало ожидать, осуществлённое правыми социалистами под аплодисменты всей международной реакции удаление представителей первой партии французского народа из правительства означало решительный поворот правительственного курса вправо. Подчинив с этого времени свою внешнюю, внутреннюю и экономическую политику всецело Вашингтону и Нью-Йорку, выполняя с воодушевлением и усердием взятые на себя обязанности комиссионеров «плана Маршалла», Рамадье и другие правые социалисты в составе правительства и вне

¹⁰ «Cahiers du communisme» № 4, стр. 390—391. 1946.

¹¹ Там же № 3, стр. 264. 1948.

его, в сообществе с МРП и иными партиями реакции, развернули наступление против рабочего класса и трудящихся, понижая реальную заработную плату рабочих и трудовые доходы крестьян и ремесленников, урезывая их политические права, пытаясь изнутри расколоть профсоюзы, ведя бешеную травлю компартии.

Французский рабочий класс ответил на это наступление реакции, определив тем самым и своё отношение к предательской политике правых социалистов, грандиозной забастовкой трёх миллионов рабочих в ноябре — декабре 1947 года. И здесь, выслуживаясь перед своими американскими хозяевами, правые социалисты взяли на себя самую чёрную и грязную роль. Они выступили открытыми стачколоманами, подлыми штрейкбрехерами; подрывной раскольнической работой внутри профсоюзов и пулями и дубинками на улицах и заводах они открыли яростную войну против мужественного рабочего класса¹².

Естественным и логическим продолжением политики преступлений и предательства было вступление правых социалистов в правительство Робера Шумана — Рэне Мейера, представляющее уже не отдельные партии реакции, а все её группы и оттенки, включая деголлевцев. Руль правительственной власти взяли в свои руки уже прямые представители «двухсот семейств», де Вандели и Ротшильды в лице Шумана и Мейера. В этом антинародном правительстве «двухсот семейств», образовавшемся во время грандиозной забастовки пролетариев, социалистам была поручена ударная задача борьбы против рабочего класса. «Социалист» Жюль Мок в качестве министра внутренних дел, «социалист» Даниель Мейер в качестве министра труда — первый пулями и слезоточивыми бомбами, второй сладкими речами и призывами к прекращению «братоубийственной (!) войны» — сделали всё от них зависящее, чтобы сорвать борьбу французских рабочих и доказать «двумстам семействам» и «высоким» покровителям с Уолл-стрита свою готовность не за страх, а за совесть выполнять их приказы.

Французская социалистическая партия под руководством своих правых лидеров превратилась в социал-полицейскую партию. Жюль Мок копирует позорно знаменитого Цергибеля, германского социал-полицейского, расстреливавшего берлинских рабочих. В открытом дружественном союзе с реакционной католической партией МРП, в негласном сотрудничестве с деголлевской бандой, выступая против рабочего класса и коммунистической партии, правые социалисты претенциозно называют свою предательскую политику политикой «третьей силы», якобы борющейся на два фронта: против коммунизма и деголлизма. Но пресловутая «третья сила» — в действительности лишь один из отрядов пятой колонны; это агентура американского империализма во Франции.

Действительным, реальным содержанием политики французских правых социалистов является расчищение пути к неофашистской диктатуре де Голля и к полному подчинению Франции американскому империализму со всеми его агрессивными, враждебными Советскому Союзу и странам народной демократии планами.

Французские правые социалисты не оправдали бы своего назначения, не смогли бы выполнить своей предательской функции, если бы их преступная политика не была тщательно замаскирована «левыми» фразами и псевдосоциалистической аргументацией, если бы их позорный путь измены интересам рабочего класса и демократии, измены делу на-

¹² См. Benoit Frachon. Une étape de la lutte des classes en France: les grandes grèves de novembre — décembre 1947. «Cahiers du communisme» № 1, стр. 5—35. Janvier 1948.

циональной независимости и самостоятельности Франции не был прикрыт лживыми софизмами и спекулятивной демагогией, если бы он не был «обоснован» даже некоей «теорией», выдаваемой ими за «социалистическую».

Нет надобности углубляться в детальные исторические исследования о формировании и развитии, с позволения сказать, «теории» французских правых социалистов. Стоит лишь указать, что в своём последнем издании она является естественным продолжением приспособленного к условиям времени старого, буржуазного в своём существе социал-реформизма и «подлейшего французского социал-шовинизма», как определял его Ленин¹³.

Характерной чертой идеологии французских правых социалистов и их главного теоретика Леона Блюма в особенности была вполне откровенная (в отличие, например, от немецких реформистов, прикрывавших свою измену делу рабочего класса марксистской фразеологией) враждебность революционному учению Маркса, открытое его отрицание и стремление его дискредитировать.

В полном соответствии со своими невежественными выпадами против марксизма Блюм «теоретически» оправдывал реформистскую, предательскую практику французских ренегатов социализма, в частности известный случай вступления Мильерана в буржуазное правительство Вальдека Руссо. Само собой разумеется, при обсуждении «казуса Мильерана», разделившего, как известно, весь международный социализм на два лагеря, Блюм оказался на крайне правом крыле реформистских рядов. Однако примечательной особенностью его позиции того времени, сохранившейся и на протяжении всего его дальнейшего предательского пути до наших дней, было то, что, отстаивая самую махровую, чисто буржуазно-реформистскую политику, Блюм с присущей ему наглостью преподносил этот буржуазный реформизм в качестве некоей «революционной» политики. Изменнический акт Мильерана он превозносил с бесстыдной наглостью как «пример, образец, тип революционного действия» (?!).

Ленин писал: «Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ним»¹⁴. Леон Блюм, который всегда был и остаётся буржуа¹⁵, в своей «социалистической» теории никогда и не помышлял о свержении правящего класса: его «социализм» допускал в лучшем случае некоторые реформы, «улучшающие» капитализм и, следовательно, продлевающие власть правящего класса — буржуазии, — сохраняющие эту власть за ней. Но, отвергнув марксизм с его ясным пониманием социальной революции, эклектически «синтезируя» мешанину взглядов, заимствованных от мелкобуржуазных и буржуазных философов — Прудона, Сореля, Бергсона, Ницше и нивесть ещё кого, — Блюм наклеивал на свою программу буржуазного реформизма ярлычки: «революция», «революционные действия», «социализм» — и пытался сбыть рабочим этот залежалый буржуазный товар под видом «последних новинок» «социалистической теории». Блюм и его политические друзья выступали как «настоящие агенты буржуазии в рабочем движении, рабочие приказчики класса капиталистов»¹⁶.

В 1917 г., в период большого революционного подъёма масс во Франции, Блюм в архибуржуазном журнале «Revue de Paris» опубликовал, сняв свою подпись, серию писем о правительственной реформе, рекомендуя не демократические меры, как на худой конец можно было ожидать от

¹³ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 33. Изд. 3-е.

¹⁴ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 269.

¹⁵ Марсель Тьебо, один из биографов Леона Блюма, так и пишет о нём: «Г. Блюм — по счастью буржуа». Thiebaut M. Указ. соч., стр. 129.

¹⁶ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 77.

умеренного социалиста-реформиста, а... крайнее усиление правительственной власти, в особенности прав и полномочий премьер-министра¹⁷.

Но когда дальнейший подъём революционного движения французских рабочих и в особенности образование коммунистической партии побудили французскую буржуазию наряду с репрессиями усилить иные тактические средства борьбы: попытки разложения рабочего движения изнутри, раскола его единства,— Блюм снова заговорил «революционным» языком, снова провозгласил себя человеком «партии революции».

Как известно, Блюм сыграл крупную роль на Турском съезде социалистической партии в 1920 г., который привёл к расколу старой партии и образованию новых: коммунистической и социалистической. Именно тогда своей тактикой на съезде, своей на шумевшей речью Блюм сумел обеспечить за собою роль признанного лидера социалистической партии, оттеснив на задний план старых зубров реформизма, вроде Реноделя, оказавшихся менее гибкими. Блюм перестроился. Если в начале XX в. он отвергал «старый марксизм» во имя «нового» и более «современного социализма», то двадцать лет спустя, в Туре, он стал защищать «старый социализм», который, понятно, не имел ничего общего с марксизмом, против «нового» — большевизма. Он «бичевал» реформизм и с беспримерной наглостью утверждал, что с реформизмом покончено. «Реформизма более не существует. Доктрина партии — революционная доктрина», — заявил Блюм на Турском съезде.

Выступая решительно против диктатуры пролетариата, против революционного свержения власти капиталистов, против демократического централизма и дисциплины в партии, защищая всё тот же буржуазный реформизм, Блюм изображал дело так, будто он отстаивает концепцию революции «старого социализма» против концепции революции большевизма. Для «социализма» революция — это трансформация современного экономического режима. «Эта трансформация сама по себе есть революция, только она одна, независимо от средств, которые будут применены, чтобы достигнуть этого результата»¹⁸.

Так была создана беспредельно эластичная «теория революции» равнозначущей социальной трансформации, «теория», которая в силу «универсализма» и неопределённости выдвигаемых ею задач позволяла её авторам формально «осуждать» реформизм, в то же время занимаясь чистейшей реформистской практикой, и выдавать утопию дыр капитализма, буржуазные полумеры за «революционную работу».

С тех пор «теория» «социальной трансформации» стала краеугольным камнем «социалистической доктрины» Блюма и его единомышленников. Важнейшее, что Блюм считал всегда нужным подчёркивать в этой «теории революции», — это, во-первых, что социальная трансформация может осуществиться только в международном масштабе, что она недостижима для отдельной страны, и, во-вторых, что сама эта социальная «революция» (трансформация) может быть совершена только мирными средствами, бескровно. Революция нашего времени, поучал Блюм в 1933 г., не напоминает политических революций XIX в. с их баррикадами, восстаниями и пр. «Когда она совершится, мы сможем сказать словами Бриана: «Посмотрите на мои руки — ни одной капли крови!»¹⁹.

Практический смысл этих двух основных тезисов «доктрины» Блюма и правых социалистов вполне очевиден. Откладывая революцию

¹⁷ См. Thiebaut M. Указ. соч., стр. 141—143.

¹⁸ Blum L. Pour la vieille maison! (Pour l'ancien parti); Marc Vichniac. Léon Blum, p. 134—136. Paris. 1937.

¹⁹ Blum L. Jean Jaurès, p. 12. Paris. 1937. Характерно, что по своему буржуазному естеству Блюм даже не почувствовал всего неприличия и даже кощунства в попытке обосновать в речи, посвящённой памяти Жореса и проблемам революции, «социалистическую доктрину» насквозь лживыми и лицемерными словами буржуазного политика Бриана.

до осуществления «социальной трансформации» во всём мире, правые социалисты обрекают французских рабочих на пассивное, фаталистическое ожидание развития исторических процессов, совершающихся за пределами их страны. К чему ломать копья, вступать в борьбу, говорят этим тезисом правые социалисты французским рабочим, если вы в своей стране всё равно не сумеете совершить революции и должны будете ждать, пока ещё трансформируется весь остальной мир. Изображая революцию как мирный и легально совершающийся процесс, вторым тезисом они также пытаются отвлечь рабочих от революционной борьбы, оставляя на их долю пассивное одобрение парламентских маневров социалистов, бесстыдно рекламируемых ими как «революционная работа», подвигающая мир вперёд, к «социальной трансформации».

«Основой» и необходимым условием этой мирной «созидательной» работы по пути к «социальной трансформации» Блюм, как и другие правые социалисты, считал парламентскую «демократию», которую лже-социалисты прославляли на все голоса.

Истинную сущность этого прославления парламентской «демократии» вскрыл и разоблачил товарищ Сталин: «Когда гг. Адлеры и Бауэры, Вельсы и Леви, Лонгэ и Блюмы поносят «советский режим», восхваляя парламентскую «демократию», то этим они хотят сказать, что они борются и будут бороться за восстановление капиталистических порядков в СССР, за сохранение капиталистического рабства в «цивилизованных» государствах»²⁰.

Но когда могучее движение Народного фронта, созданного по инициативе коммунистической партии, вынесло социалистическую партию к власти, когда Блюму пришлось возглавить правительство, опирающееся на Народный фронт (июнь 1936 — июнь 1937 гг.), а рабочие стали нетерпеливо требовать осуществления широких социальных преобразований, тогда Блюм для оправдания проводившегося им саботажа программы Народного фронта ввёл в оборот новый «теоретический» аргумент — сочинённое им чисто софистическое понятие «исполнения власти».

Это «теоретическое открытие», как совсем недавно хвастался Блюм, было сделано им ещё в середине 20-х годов, видимо, в связи с образованием первого лейбористского правительства Макдональда. Эта «новая теория» была обнаружена Блюмом в 1931 г. в его клеветнической брошюре «Большевизм и социализм». В 1936 г. он её пропагандировал на 33-м конгрессе социалистической партии и позднее обосновывал ею тактику социалистов в 1936—1938 гг.; в наши дни она широко используется правыми социалистами как уже «проверенное опытом» достоинство социалистической «теории».

Сущность нового жульнического «теоретического» трюка заключается в следующем. Старое социалистическое понятие «завоевание власти», уверяет Блюм, должно быть в связи с новыми явлениями в общественных процессах дополнено новым понятием — «исполнение власти»; самые эти понятия должны строго различаться друг от друга. «Исполнением власти», разъясняет Блюм, следует считать те случаи, когда «ходом нормального развития демократических институтов» социалистическая партия легально возглавляет правительство или входит в правительство при сохранении существующего социального режима, т. е. капитализма. Примеры: лейбористское правительство в Англии, участие социалистов в правительстве во Франции, Бельгии и других странах. И вот в этих случаях «исполнения власти», изощряется Блюм, к социалистам не могут быть предъявлены такие же требования, как при завоевании власти. Почему? Потому, что «исполнение власти» имеет место «до революции», оно не является само по себе революционным актом. Этим пустым софизмом Блюм пытается оправдать предательство правых

²⁰ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 181.

ми социалистами в качестве правящей партии интересов рабочего класса, интересов демократии. В действительности никакого «исполнения власти», как особой формы власти, не было, нет и не может быть. Лжесоциалисты во главе или в составе буржуазного правительства — ревностные защитники и слуги империализма. Все конкретные факты практической деятельности социалистов во Франции, Англии и других странах в качестве правительственной партии с неопровержимой ясностью доказывают, что эти «исполнители власти» являются лишь исполнителями воли буржуазии.

С бесстыдным цинизмом, который у него превосходно совмещается с изощрённым лицемерием, Блюм разъясняет, что при «исполнении власти» надо «создать впечатление, ощущение, что коллективные интересы нации так же хорошо охраняются в руках социалистической партии, как и в любых других руках»²¹.

Тем самым Блюм откровенно признаётся, что социалисты могут быть не худшими защитниками капиталистического строя, чем любые буржуазные партии. Признание, ценное по своей откровенности, особенно в «теоретическом этюде» о «завоевании власти».

Такова эта казуистическая, насквозь лживая, на живую нитку сшитая для обмана рабочих «теория исполнения власти». Весь смысл этой «теоретической» мистификации состоит в том, чтобы дезориентировать, спутать, сбить с толку рабочих и попытаться этими софизмами реабилитировать и «теоретически обосновать» в глазах рабочих предательство их интересов, совершаемое правыми социалистами в качестве «исполнителей власти». Не случайно, что именно сейчас, когда гнусные предательства правых социалистов во Франции, их лейбористских собратьев в Англии, их спааковских друзей в Бельгии всё более дискредитируют и разоблачают их в глазах даже отсталых рабочих, лживая софистическая «теория» «исполнения власти» с особым усердием пропагандируется её жульническими авторами.

Блюм, универсальный изобретатель всех фальсифицированных «теоретических» изделий правых социалистов, прекрасно знает, с какой любовью и восхищением относятся французские рабочие к великой стране социализма — СССР, какое огромное впечатление производит на них опыт стран новой демократии, как велико стремление и воля французских рабочих добиться действительного демократического обновления и своей страны.

И вот Блюм, этот «змей, прячущийся под цветами риторики»²², в угоду своим империалистическим хозяевам, старается отравить сознание рабочих новым обманом, преподносимым под видом всё тех же теоретических «изысканий». Уничтожение частной капиталистической собственности, уничтожение капитализма вообще, что он готов «признать» в Советском Союзе, оказывается, по «теории» Блюма, не имеет существенного значения. Существенным является иное: уничтожение капиталистических пережитков, главным из которых Блюм считает существование... наёмного труда и поддержание определённых отношений некапиталистическим государством, например Советским Союзом, с капиталистическими государствами.

Нетрудно видеть, что вся конструкция Блюма, которую он пытался подкрепить (знамение времени!) кошунственными заверениями в своих симпатиях к теории Маркса, представляет собой «синтетическое» сочетание наглых передержек, грубых подтасовок понятий, злобной клеветнической лжи и пустых софизмов. Социалистические отношения труда в Советском Союзе, являющиеся одним из самых замечательных результатов социалистической революции, и защиту социалисти-

²¹ Blum L. Exercice et conquête du pouvoir. «La Revue socialiste» № 15, p. 390. 1947.

²² «Humanité» от 17 января 1948 года.

ческого общества против капиталистического окружения, чем являются в своём существе отношения Советского Союза с государствами капиталистического мира,— то, что вызывает восхищение и горячие симпатии не только рабочего класса, но и всех честных сторонников демократии и общественного прогресса,— Блюм в своей неистовой ненависти тщится оболгать, оклеветать, дискредитировать, наклеивая на них чуждые им ярлычки, извращая и искажая их значение. Цель, которую преследуют Блюм и его сообщники этой грубой фальсификацией теории революции, вполне ясна: они пытаются отравить сознание рабочих неверием в социалистическую революцию; они пытаются дискредитировать Великую Октябрьскую социалистическую революцию и всемирно-историческое значение построения социализма в нашей стране и её успешное продвижение к коммунизму; они стремятся тем самым отвлечь рабочих от революционной борьбы, заставить их примириться с кабалой отечественного и американского империализма, обслуживаемого правосоциалистическими «исполнителями власти».

Блюм стремился достигнуть этого же и другими путями. В ту пору, когда французские патриоты, и в первых рядах среди них коммунисты, проливали кровь в борьбе против немецко-фашистских поработителей Франции, их соотечественник Блюм, находясь в плену у немцев в достаточно комфортабельных условиях, сочинял гнуснейший пасквиль (опять же облечённый в форму «теоретических рассуждений») против тех, кто освободил мир от фашистской тирании — против великой Советской страны, против коммунистов. В этом едва ли не самом растленном произведении его изощрённого в лицемерии и лжи ума Блюм, как всегда в соответственных случаях, «со слезами на глазах» размышлял о смысле происшедшего в его стране и во всём мире, вздыхал о судьбе осиротевших детей и попусту обливал потоками клеветы и грязи страну социализма и коммунистических рабочих своей родины. В этой энциклопедии лжи всё — от исторического обзора прошлого до прогнозов будущего — было извращено, подтасовано, фальсифицировано. Не вороша сейчас этой навозной кучи, оставляя в стороне всё не относящееся к вопросу, о котором идёт речь, отметим, что уже здесь, в фашистском плену, Блюм «обосновал» те «теоретические» и тактические идеи, которые пропагандируются ныне всеми правыми социалистами. Среди них была также и космополитическая идея «социальной трансформации» во «всемирном масштабе» (т. е. откладывание любых крупных социальных преобразований до греческих календ), только преподнесённая в иной редакции.

Чтобы завоевать доверие рабочих, Блюм выступил с обвинительной речью против французской буржуазии. Он утверждает, что «накануне войны 1939 г. она (буржуазия) ещё держала руль национальной машины, но она уже не была способна им управлять»²³.

Затем следуют драматические знаки вопроса: «Буржуазия-владчица умерла во Франции, но Франция не видит, кого провозгласить на её место... Кто наследник буржуазной республики, кто её преемник?»²⁴, — спрашивает Блюм.

Нагромождая ложь на ложь, клеветая на французский народ, Леон Блюм думается представить неразрешимой эту искусственно созданную, выдуманную им, ни в коей мере не соответствующую действительности дилемму, словно французский пролетариат, ещё в 1871 г. создавший прообраз последовательно демократической Республики — Коммуну, — не доказал с тех пор многократно, что он является и наследником и могильщиком французской буржуазии. И Блюм заключает: «Франция находится перед междуцарствием, ни продолжительность, ни исход которого

²³ Blum L. A l'échelle humaine, p. 70. Paris. 1945.

²⁴ Там же, стр. 78.

нельзя определить... сегодня... остаётся вакантной сама власть, суверенитет, и нельзя предвидеть, когда и кем она будет замещена»²⁵.

Вот здесь и скрывается главный жульнический трюк Блюма. Он пытается уверить рабочих, что наступает длительный период «междоцарствия»; рабочие должны с ним мириться до тех пор, пока на смену разрушенной «фальшивой и бессильной буржуазной демократии», как её «смело» честит Блюм, не будет создана подлинная демократия — народная демократия. О том, что представляет собой эта «демократия», можно судить хотя бы по одному тому, что образец для политического устройства этой «народной демократии» Блюм рекомендует заимствовать в государственном строе... США и Швейцарии! Но эта «народная демократия» может существовать, лишь обладая ещё двумя качествами: она должна быть социальной, что предполагает полное осуществление социальной трансформации, и должна быть интернациональной, т. е. утвердиться в мировом, общечеловеческом масштабе²⁶. А так как осуществление этой программы требует очень долгого времени, то пока следует примириться с длительным «междоцарствием», не предъявляя в этот период требований, осуществление которых возможно лишь в «народной демократии» будущего.

Весь жульнический трюк Блюма в том и заключается, что изобретённое им мнимое «междоцарствие» на самом деле есть царство империалистической буржуазии; незамещённой, «вакантной» власти ни во Франции, ни где бы то ни было нет, не было и не может быть. И весь смысл этой побасенки для одурачивания рабочих состоит в том, чтобы продлить власть того класса империалистической буржуазии, который оплачивает многообразное предательство Леона Блюма, в том числе и его лжесоциалистические теории, фабрикуемые для отравления сознания рабочих.

Империалистическая, предательская политика правых социалистов определяет и их спекулятивные, лживые «теории», так же как и формы и содержание их пропаганды, рассчитанной на обман рабочих.

Понятиями «междоцарствия», «традиционной демократии», «исполнения власти» и т. п. правые социалисты пытаются скрыть разбойничью власть империализма, которой они служат. К такой же лживой демагогии они прибегают и для того, чтобы замаскировать империалистическую политику, которую они проводят по приказу своих хозяев.

Выше уже говорилось о предательской роли, которую играли и продолжают играть правые социалисты в современной Франции, как проводники политики буржуазной реакции, как прямые агенты американского империализма. Но следует подчеркнуть, что специфической особенностью именно этих изменников французского народа было и остаётся то, что проводимая ими по приказу американских империалистов и продавшей им реакционной французской буржуазии политика с большой тщательностью закрывается ими в защитные цвета, маскируется социалистической фразеологией и демагогической аргументацией. За это-то их и ценят американские империалисты и пользуются ими для достижения своих целей. И здесь следует напомнить, что при решении важнейших тактических задач, выдвигаемых американским империализмом и французским крупным капиталом во внутривнутриполитической борьбе во Франции, идейное вооружение этих операций неизменно поставлялось правыми социалистами.

Так, процесс блокирования и консолидации всех сил французской реакции в парламентско-правительственную коалицию, в американскую партию, враждебную народу и национальным интересам страны, правые

²⁵ Blum L. A l'échelle humaine, p. 92.

²⁶ Там же, стр. 127—143.

социалисты замаскировали лживым и демагогическим лозунгом «третьей силы».

Что такое «третья сила»? Если верить тому, что пишут и говорят о ней правые социалисты, то создалось бы представление, прямо противоположное её действительному содержанию и смыслу. Леон Блюм подчёркивал, что «третья сила по своему происхождению и смыслу — это рефлекс республиканской защиты»²⁷. В другой статье на ту же тему он уверял, что «третья сила» — это объединение республиканцев всех оттенков и всякого происхождения для защиты демократической свободы и мира», это «два фронта защиты республики» против опасности слева и справа²⁸. Ги Молле, ещё в 1946 г. ходивший в «левых», но затем быстро спешившийся с Блюмом, генеральный секретарь социалистической партии, в речи на Национальном совете социалистической партии в декабре 1947 г. пошёл ещё дальше: он заявил, что «третья сила» должна быть «не только объединением, обороняющимся против опасности внешней войны (!) и гражданской войны, — она будет главным образом наступательным союзом всех тех, кто хочет победить углубляющийся экономический и социальный кризис... её задача в том, чтобы поднять республиканскую и народную энергию в глубоком движении, поддержанном синдикалистами, рабочими, крестьянами и всеми прогрессистами»²⁹.

Только безмерная наглость прожжённого мошенника и лжеца могла позволить называть антинародную коалицию, продавшихся Америке партий буржуазной реакции народным союзом, поддержанным рабочими и крестьянами.

Так правосоциалистические предатели маскируют «социалистической» фразеологией реакционный союз арентов американского империализма, ведущих свирепую войну против рабочего класса, против французского народа, против свободы и независимости самой Франции.

Подлинный смысл поднятой правыми социалистами шумихи вокруг «третьей силы» был хорошо определён одним из руководящих работников французской компартии — Этьеном Фажоном: «Фраза о «третьей силе», — писал Фажон, — имеет единственную цель — замаскировать полное согласие Блюма и де Голля в основных вопросах, а именно: в вопросах закабаления Франции хозяевами Уолл-стрита и борьбы против коммунизма внутри страны»³⁰.

Но как ни изобретательны правые социалисты в своей беспримерной по наглости лжи, как хорошо они ни усвоили урок Гитлера о том, что ложь должна быть огромной, однако и их демагогическое мастерство не в силах скрыть действительного антинародного и антинационального существа «третьей силы». Достаточно присмотреться к статьям «Populaire» и выступлениям правых социалистов, достаточно вдуматься в смысл предложений Блюма о создании «суперпартии» — организационного объединения всех правительственных партий реакции, — чтобы понять всю лживость их фраз о «борьбе на два фронта», чтобы понять, что «третья сила» есть боевой лагерь всех реакционных партий, включая деголлевцев, ведущих одним фронтом борьбу против компартии, против рабочего класса.

Политика подрыва и разорения французской экономики в угоду интересам американского империализма, повышение цен и наступление на жизненный уровень рабочего класса и трудящихся, осуществляемые по плану Мейера, — первому французскому детищу «плана Маршалла», — антиконституционное устранение коммунистов со всех принадлежащих им

²⁷ «Populaire» от 4—5 января 1948 года.

²⁸ Там же от 14—15 декабря 1947 года, статья Блюма «Un super-parti».

²⁹ Там же от 17 декабря 1947 года.

³⁰ Этьен Фажон. Леон Блюм — предатель французского народа. «За прочный мир, за народную демократию!» № 3 от 15 декабря 1947 года.

по праву постов в представительных учреждениях, а там, где это возможно, и муниципалитетах, вооружённое подавление рабочих забастовок, попытка раскола профсоюзного единства изнутри, неистовая травля коммунистической партии — таково реальное содержание политики «третьей силы» во внутренней жизни страны³¹. Факты давно подтвердили, что, несмотря на декларативное провозглашение «третьей силой» борьбы против деголлевцев, в действительности существование политики «третьей силы» состоит в том, что она расчищает и прокладывает дорогу к установлению нефашистской диктатуры де Голля.

Андре Марти был глубоко прав, когда, обращаясь со словами разоблачения к Блюму, утверждал: «Вся ваша ложь не может скрыть той позорной цепи, которая приковывает к РПФ вашу так называемую «третью силу»³².

Одно из первых мест в проведении этой преступной политики принадлежит правым социалистам³³, установившим прямое сотрудничество с нефашистами-деголлевцами не только в избирательных комбинациях, но и в повседневной борьбе против народа (в муниципалитетах, Национальном собрании и т. п.).

Если в тактике «третьей силы» предательская изобретательность правых социалистов нашла своё применение в создании единого фронта империалистической реакции для борьбы против рабочего класса, то другая специальная функция правосоциалистических предателей — разложение рабочего единства изнутри, нанесение удара в спину рабочему движению — осуществлялась ими с помощью группы «Рабочей силы» («Форс увриер»).

Подрывная работа группы «Форс увриер» внутри Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) началась ещё в 1945 г., почти одновременно (что знаменательно) с первыми попытками де Голля нанести удар ВКТ. Апогей раскольнической деятельности «Форс увриер» относится к концу 1947 года, когда по приказу Уолл-стрита французская реакция начала фронтальное наступление против коммунистической партии и рабочего класса. Руководителями и вдохновителями этой диверсии в тылу боевого лагеря демократии были, естественно, правые социалисты.

В ту пору, когда «социалист» Жюль Мок вооружённой силой ломал стачку рабочих, когда «социалисты» в Национальном собрании голосовали за «злodeйские законы» против рабочего класса, каких Франция не знала уже в течение многих десятилетий, когда «социалистический» «Populaire» шельмовал могучее забастовочное движение трёх миллионов французов как «мятеж саботажников» (!), когда Робер Вердье, «спец» по рабочему вопросу, кричал, что «страна (!) требует порядка и спокойствия»³⁴, а Леон Блюм, верный своей фарисейской роли, «оплакивал» «братоубийственную войну»³⁵, — в это время правосоциалистические агенты во Всеобщей конфедерации труда старались сорвать забастовку изнутри профсоюзов, помочь американскому и французскому капиталу разгромить в ходе классового боя пролетариат Франции. Это чёрное предательство было завершено выходом «Форс увриер» из ВКТ, созывом в декабре 1947 г. раскольнической конференции этой предательской группы и её призывом ко всем профсоюзным

³¹ См. Michaut V. Le mensonge de la prétendue troisième force. «Cahiers du communisme» № 12. 1947, p. 1269; suiv. См. Гентгес П. «Третья сила» на службе империализма. «За прочный мир, за народную демократию!» № 6(9) от 15 марта 1948 г.; статьи в «Humanité» от 16, 17, 29 января 1948 г. и др.

³² «Humanité» от 9 января 1948 года.

³³ Знаменательно, что в созданном в январе 1948 г. временном бюро «третьей силы» руководящая роль принадлежала правым социалистам, представленным Блюмом и троцкистом Марсо Пивером. Стоит отметить, что в это бюро входил также Франсиск Ге (МРП) и реакционер-иезуит, писатель Ф. Мориак.

³⁴ «Populaire» от 7—8 декабря 1947 года.

³⁵ Там же, от 11 декабря.

организациям выходить из ВКТ и объединяться вокруг «Форс увриер», как якобы отстаивающей «традиционную для синдикализма демократию»³⁶. О том, кто раньше других откликнулся на этот призыв, можно судить по авторитетному для данного случая свидетельству американской печати. «New York Herald Tribune» 26 декабря сообщала: «В числе новых сторонников «Форс увриер» можно найти многих, кто готов следовать за генералом де Голлем»³⁷.

Вполне закономерно, что во главе ведущей группы раскольников из «Форс увриер», проводившей эту диверсию, — Деламаара, Деконтиньи, Бузанке, Ботеро и других — оказался второй старейший патриарх измен и предательства, старый сотоварищ Блюма в общей борьбе против революционного пролетариата, — Леон Жуо.

Ещё тридцать лет назад, в годы первой мировой войны, Ленин называл Жуо «печально-знаменитым»³⁸ предателем, квалифицировал его как «опытного политика», перешедшего в лагерь «буржуазного национализма»³⁹. Путь этого ярого врага коммунизма и пролетарской революции — от защитника французского империализма в империалистической войне 1914—1918 гг. до лакея американского империализма — вполне закономерен. Знаменательно, что и ныне, когда американские империалисты разжигают третью мировую войну, старый ветеран социал-империализма Жуо при первом науськивании своих новых американских хозяев поспешил в сообществе с Леоном Блюмом возглавить диверсию правых социалистов внутри рабочего движения⁴⁰.

Но эти усерднейшие слуги империалистической реакции не получили бы положенного их хозяевами вознаграждения, если бы они не попытались представить это чёрное предательство как политику «защиты демократии», а следовательно, и интересов рабочего класса. Реакция не сохранила бы их на службе, если бы они свою свирепую расправу с забастовщиками не сопровождали лицемерным причитаниями над «страданиями рабочего класса», «несчастных женщин и детей», если бы они не лгали каждый день, что их «социалистические» министры внутри правительства отстаивают интересы трудящихся; если бы они не заливали столбцы своих газет потоками ядовитой клеветы против коммунистической партии, в борьбе с которой они, дескать, защищают путь «демократии» к «социальной трансформации». В этом разгуле демагогии и лжи французские правые социалисты вполне доказали, что они многому научились у Геббельса.

Андре Каррель, публицист «Humanité», был прав, когда писал, что «Populaire» настолько пропитан ложью, что даже свои утверждения на первой странице он сам опровергает на следующей⁴¹.

Знаменательно, что чем очевиднее и чем грязнее их предательские дела, тем всё более наглой и грандиозной становится их ложь. Так, например, когда на глазах всех французов правительство Шумана — Мейера — Мока проводило политику повышения цен и удорожания жизни (только в январе 1948 г. цены на все предметы потребления поднялись более чем на 20%)⁴², правые социалисты, непосредственно участвовавшие в проведении правительством этого повышения цен, с пенной у рта доказывали рабочим, что повышение заработной платы, требуемое ими, не отвечает их интересам.

³⁶ «Populaire» от 20 декабря.

³⁷ «Humanité» от 1 января 1948 года.

³⁸ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 371.

³⁹ Там же, стр. 373.

⁴⁰ Стоит в этой связи напомнить, что открытому разрыву Жуо с ВКТ предшествовала его поездка в октябре 1947 г. в США. Жуо там встретился и имел беседу с Маршаллом и тогда же заявил, что поддерживает его пресловутый «план».

⁴¹ «Humanité» от 29 января 1948 года.

⁴² Там же, от 2 января.

Чтобы «обосновать» эту откровенно антирабочую политику, Блюм и другие правые социалисты воскрешают давным-давно опровергнутый «железный закон» заработной платы Лассалля. С важным видом они пытаются сбить рабочих с толку, «поучая» их, что повышение заработной платы с «неизбежностью» должно повлечь за собою повышение цен. Коммунистическая партия в лице Тореза и Дюкло разоблачила эти подлые софизмы правых социалистов, противопоставляя их лжи реальное требование повышения заработной платы и сокращения прибыли капиталистов.

Пожалуй, не менее показательным для изощрённых маневров правых социалистов является то, что именно теперь, когда они докатились до предела падения, свою позорную и преступную политику служения самой агрессивной империалистической реакции они всё чаще стараются подкрепить ссылками на... Маркса и Энгельса, против революционного дела которых они всю жизнь неистово боролись и борются, ссылаясь на такие имена, как Гед, Лафарг и Жорес, с которыми эти продажные наймиты империализма не имеют ничего общего. Впрочем, и в этом формальном «признании» марксизма Блюм и правые социалисты остались верны себе. На конгрессе социалистической партии в 1945 г. Блюм, объявив торжественно о своей приверженности к историческому материализму Маркса и Энгельса, объявил войну... диалектическому материализму, изобразив последний «изобретением» Ленина и Сталина.

Но к какой бы разнузданной демагогии и лжи ни прибегали правые социалисты, реальная практика их дел раскрывает смысл их политики во внутренней борьбе во Франции: в угоду американскому империализму и деголлевскому неофашизму они стараются разгромить оплот французской демократии, рабочий класс, и его боевой авангард — коммунистическую партию. Через посредство «третьей силы», объединившей все элементы буржуазной реакции, они пытаются нанести удар рабочему классу извне; через посредство «Рабочей силы» («Форс увриер») и своих агентов в рабочих организациях они пытаются сочетать первый удар со вторым — изнутри.

Защитная маскировка, которая прикрывает предательскую роль правых социалистов во внутривнутриполитической борьбе во Франции, в полной мере применяется ими и для сокрытия антинародного, преступного содержания их политики в международных вопросах.

Надо признать, что ревностное служение французских правых социалистов американскому империализму не представляет ничего неожиданного. Ещё до того, как их вождь Леон Блюм стал «проповедывать» «во имя защиты мира» политику поощрения фашистских агрессоров, он достаточно изощрился в славословии реакционнейших представителей американского монополистического капитала — Гувера, Буллита и им подобных. Прославление американской псевдодемократии Уолл-стрита было оборотной стороной его отравленного ядом ненависти, клеветнических нападок на Советский Союз. Не случайно матерый американский разведчик, политический гангстер американского империализма Вильям Буллит, снабдивший предисловием сборник статей Блюма, даёт ему самую лестную оценку и с полным основанием называет его «нашим другом»⁴³.

С того дня как Леон Блюм получил возможность благодаря победам Советской Армии вернуться на французскую почву, он стал точить своё перо для выпадов против Страны Советов и подобострастно восхвалять «великую заатлантическую республику». Известно также, что французские правосоциалистические лидеры раньше и гораздо решительнее

⁴³ Blum L. L'histoire jugera, p. 9.

тельнее, чем другие французские буржуазные партии, например, чем реакционная МРП, ещё в ту пору, когда об этом стеснялись говорить вслух, выступили проповедниками внешнеполитической ориентации Франции на «запад», т. е. сторонниками политики пресловутого «западного блока». Французские правые социалисты были и в числе первых, кто «оценил» фултонскую погромную речь Черчилля и кто, прикрывая её разбойничий смысл стыдливymi оговорками и разъяснениями, стал пропагандировать её реакционно-агрессивные идеи на французской почве. Не случайно У. Черчилль на официальном приёме Блюма в Лондоне в январе 1947 г., как сообщали газеты, с особой теплотой приветствовал французского «социалистического» премьер-министра.

Французские правые социалисты в качестве одной из правящих партий сыграли весьма значительную роль и в практической политике соглашений и сделок с американским и английским империализмом, раз от разу всё теснее привязывавших к ним Францию и всё более подчинивших четвёртую республику воле Уолл-стрита. Коммивояжёрские поездки Леона Блюма в Вашингтон и Лондон имели в этом смысле особо зловещее значение; они неизменно заканчивались кабальными для Франции финансовыми и политическими сделками⁴⁴, усиливая решимость правых социалистов в пропаганде и проведении политики «западного блока». В «активе» правых социалистов значится также и инициатива в подготовке дюнкеркского англо-французского союзного договора (4 марта 1947 г.); истинный смысл и цели этого соглашения раскрылись лишь сейчас, в продолжении Дюнкерка — брюссельского пакте пяти: военном союзе Англии, Франции и Бенилюкса (Бельгии, Нидерландов, Люксембурга), — созданном и руководимом американским империализмом в целях агрессии против Советского Союза и стран новой демократии.

С момента, когда американским империализмом был выдвинут пресловутый «план Маршалла», французские правые социалисты, захлебываясь от восторга, распластываясь в угодливости перед американскими «благодетелями», стали его самыми пылкими трубадурами. Аршинными буквами они печатали на страницах «Populaire» сенсационные сообщения о «17 миллиардах», которые вскоре стали быстро сокращаться, превращаясь в совсем скромную сумму, о пароходах с зерном, о «поездах дружбы» и прочей мистификации. В дни ноябрьско-декабрьской забастовки они уговаривали рабочих скорее прекратить борьбу, чтобы из американского рога избылился мог хлынуть поток продовольственной благодати. Как продуманные комиссионеры, они хотели оглушить, ошеломить голодающий народ Франции широковещательной жульнической рекламой, выдавая неопределённые американские посулы за ждущий сбыта товар. Претендуя на роль монопольных представителей американской фирмы, они рассчитывали вымышленными благами Америки переманить к себе голодных французских рабочих и трудящихся от коммунистической партии. «План Маршалла против Коминформа!» — кричали они, пытаясь запугать тех, кого не надеялись подкупить.

«План Маршалла» — циничный план закабаления и подчинения американскому капиталу стран Европы, и среди них в первую очередь Франции, — Блюм и его друзья превозносили и славословили как бескорыстное благодеяние «великой американской демократии»⁴⁵. Даже самое

⁴⁴ Стоит напомнить, что соглашение Блюма — Бирнса 28 мая 1946 г. положило начало экономическому и политическому закабалению Франции Америкой. За 300 млн. долларов кредита, которые Блюм обязался истратить на приобретение американской военной ружьяди, оставшейся во Франции, он снял таможенные барьеры, открыв французский внутренний рынок вторжению американских товаров.

⁴⁵ Летом 1949 г. стал уже вполне очевиден полный и окончательный провал «плана Маршалла». «Маршаллизация» Франции привела лишь к глубокому кризису всей французской экономики, к свёртыванию французской авиационной, автомобильной, кинематографической и других отраслей промышленности, следствием чего явилась безработица, к разрушению сельского хозяйства — сокращению зерновых посевов и обнища-

нарушение американским империализмом национального суверенитета Франции Блюм в своей лакейской угодливости и космополитическом существе объявил чуть ли не прогрессивным явлением, растолковывая, что полнота национального суверенитета — едва ли не отжившее понятие и что американская «помощь» необходима для «экономической реконструкции» Европы.

Выполняя задания своих хозяев — американских империалистов, стремящихся к установлению мирового господства США, к эксплуатации всего человечества, — французские правые социалисты усилили пропаганду отравленных космополитических «идей» и «теорий». Космополитизм — это идеологическое оружие американского империализма — французские лжесоциалисты пустили в ход, чтобы сорвать священную борьбу французского народа против планов закабаления их родины американским империализмом, чтобы облегчить последнему выполнение его разбойничьих намерений.

А. А. Жданов в докладе на совещании представителей некоторых компартий в сентябре 1947 г., разоблачая разные формы борьбы американского империализма за осуществление его стремлений к мировому господству, говорил: «Одним из направленной идеологической «кампании», сопутствующей плану порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей «всемирного правительства»⁴⁶.

Уже в своём ядовитом пасквиле 1941 г. «В масштабе человеческом» Блюм насиловал факты, извращал и смешал все представления, изображал все явления общественной жизни в кривом и уродливом зеркале, — «масштабе космополитическом». Уже тогда Блюм стал вещать о «сверхгосударстве», или «высшем государстве», которое будет ограничивать национальный суверенитет отдельных наций, или подчинять их себе⁴⁷. Когда же американский империализм явственно обнаружил свои претензии на создание под своей эгидой такого «сверхгосударства», то правые социалисты, закусив удила, понеслись по этой дороге космополитической лжи и обмана.

В печатных органах социалистической партии: в «Попюлер», «Ревю социалист», в выступлениях Блюма, Ги Молле, Андре Филиппа, Марсо Пивера и прочих идейных оруженосцев американского империализма космополитическая теория «сверхгосударства» и отмирания национального суверенитета расцвела пышным цветом. Национальный суверенитет, национальные интересы были объявлены устаревшим понятием, старомодными и догматическими представлениями. С наглостью, равной их бесстыдству, эти торговцы родиной пытались внушить французским рабочим, что борьба за национальный суверенитет страны, к которой их зовут коммунисты, бессмысленна и беспочвенна. Вместо национальной независимости, национальной самостоятельности, национального суверенитета лжесоциалисты и их орган «Попюлер» рекомендуют некий «сверхсуверенитет международной общности».

Их главным, программным лозунгом в «больших» вопросах международной политики стал лозунг «Соединённых Штатов Европы».

Ленин ещё в 1915 г. вскрыл и разоблачил реакционное содержание лозунга Соединённых Штатов Европы. «Соединённые Штаты Европы.

нию крестьянства. Рост безработицы, разорение крестьянства и городской мелкой буржуазии, рост дороговизны, общее сближение французского народа — вот реальные плоды «благодетельного» «плана Маршалла». Банкротство «плана Маршалла», разоблачение его комиссионеров из американской партии во Франции усиливают политическую активность народных масс Франции, принимающую с каждым днём всё более боевой характер.

⁴⁶ А. Жданов. О международном положении, стр. 30. Огиз. Госполитиздат. 1947.

⁴⁷ Blum L. A l'échelle humaine, p. 146.

при капитализме, либо невозможны, либо реакционны»⁴⁸, — писал В. И. Ленин.

С тех пор различные представители и «направления» империалистической реакции не раз пытались навязать и даже «претворить» в практику этот реакционный лозунг. Достаточно напомнить пропагандируемую Брианом идею «пан-Европы», с помощью которой французский империализм в конце двадцатых — начале тридцатых годов пытался обосновать свои претензии на гегемонию в Европе. Достаточно припомнить «идею» «новой Европы», «нового порядка» в Европе разбойничьего гитлеровского империализма, которую он насаждал силой оружия и свирепым террором до тех пор, пока Советский Союз и его вооружённые силы не сокрушили и не уничтожили германский фашизм. Поджигатель новой войны У. Черчилль, фашистский претендент в диктаторы де Голль, социал-демократический лакей Шумахер и прочие слуги американского монополистического капитала, по заданиям Уолл-стрита воспевавшие и воспевающие «идею» «европейского союза», «европейской семьи», «Соединённых Штатов Европы» повторяют лишь в новых, приспособленных к американским требованиям вариантах эту старую, махрово-реакционную идею.

Не смея претендовать на оригинальность в этом подлом обмане, французские правые социалисты пытались её возместить особой наглостью и развязностью в пропаганде этих лживых космополитических «идей».

Так, троцкистский негодяй Марсо Пивер, соревнуясь со своими коллегам по социалистической партии в чудовищной фальсификации фактов, пытался изобразить стремление американского империализма к закабалению Европы как путь создания «социалистических (!) Соединённых штатов Европы».

Другой «видный» лжесоциалист, Андре Филипп, выступая 30 ноября 1948 г. в дискуссии по внешней политике с трибуны Национального собрания, преподносил космополитические «истины». «Ни одна проблема не может быть разрешена в национальных рамках... Нет больше проблем национального характера», — вещал этот изменник французского народа. Критикуя внешнюю политику Франции за то, что она слишком долго руководствовалась «старой, чисто национальной концепцией», Андре Филипп с циничным бесстыдством открыл истинный источник его космополитического вдохновения: «Наши друзья-американцы воодушевляют и направляют нас на путь к европейскому союзу»⁴⁹.

Так эти «европейцы» предстают в своём подлинном виде и естестве — американских холоуёв.

Но французские рабочие, крестьяне, интеллигенты не хотят быть гражданами «Европейского союза», или, как точно расшифровала это название коммунистическая печать, — «Соединённых Штатов Америки в Европе». Они не хотят быть американскими «европейцами», они были и остаются французами, горячо любящими своё отечество.

Французские патриоты с презрением отвергают эти космополитические идейки продавцов своей родины, людей американской партии. Французский народ стоял и стоит на страже независимости и свободы своей родины. Огромный престиж и сила влияния коммунистической партии, первой партии французского народа, в значительной мере связаны и с тем, что французские патриоты видят в компартии главную силу, отстаивающую независимость, национальный суверенитет и национальные интересы Франции. Французские патриоты хорошо распознают друзей Фран-

⁴⁸ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 231.

⁴⁹ См. критику «теорий» «европейского союза» французских правых социалистов в статье Roger Garaudy. Le piège des Etats-Unis d'Europe. «Cahiers du communisme» № 2, 1949.

ции от её врагов. Миллионы французских трудящихся с мощным единодушием повторили знаменитые слова Мориса Тореза: «Французский народ никогда не будет воевать против СССР». Устами Тореза говорил сам французский народ. Французские рабочие освистывают Жюля Мока, Рамадьё и де Голля — американских лакеев — и с тем же единодушием встают против политики «западного блока», против Северо-атлантического пакта, против превращения Франции в американскую колонию⁵⁰.

Но французские правые социалисты вместе с другими реакционными группами из американской партии вели и ведут свою преступную политику против французского народа и в ущерб его интересам.

Следуя за приказами Вашингтона, правые социалисты в сообществе с другими группами американской партии, практической политикой правительства Шумана — Мейера — Мока вовлекли Францию в империалистический, агрессивный, «западный блок» — послушное орудие американского империализма, созданное для осуществления американских планов установления мирового господства⁵¹.

Правые социалисты способствовали низведению Франции до роли сателлита американского империализма, до роли зависимых Чили или колониальных Филиппин. Когда американское правительство Франции полицейскими налётами на Борегар и другими грубейшими провокационными выходками против СССР хотело доказать своим американским патронам, что и Франция «может удивить мир своей неблагодарностью», правые социалисты, не довольствуясь своим прямым участием в этой правительственной политике преступлений, занялись на страницах своей печати лакейски гнусным оправданием воли своих хозяев. Однако весь мир знает, что народ Франции не имеет ничего общего с этой провокационной политикой французских реакционеров.

Когда на Генеральной ассамблее Объединённых наций, на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в ноябре — декабре 1947 г. французская делегация послушно следовала за движением дирижёрской палочки Маршалла, большей частью в ущерб жизненным интересам Франции; когда, подчиняясь воле американских хозяев, нынешние правители Франции пошли на прямое предательство коренных интересов безопасности Франции в решении германской проблемы, правые социалисты, прямо виновные в этой предательской, антинациональной политике, ещё изощрялись в беспримерно лживом «оправдании» этой самоубийственной для Франции капитулянтской политики⁵².

Но и «в подлости стараясь сохранить оттенок благородства», стараясь выполнить своё основное назначение — отравлять сознание масс псевдосоциалистической и иной демагогией, скрывать от них подлинную разбойничью сущность политики американского империализма, которому полностью подчинились нынешние правители Франции, — правые социалисты фабрикуют одну ложь за другой, один софизм за другим.

⁵⁰ Развернувшись в 1949 г. по инициативе и под руководством компартии мощное народное движение в защиту мира, против американских поджигателей войны, быстрый рост организации «Борцы за мир и свободу», полумиллионные демонстрации в Париже 24 апреля в честь Конгресса мира и I Мал, «караваны мира», мощное выражение симпатий к Советскому Союзу и странам народной демократии, идущие от Союза французских женщин, Всеобщей конфедерации труда и других массовых организаций свидетельствуют о том, как быстро растёт решимость и боевая готовность французского народа дать отпор американскому империализму и его агентуре, стремящимся развязать новую империалистическую войну и поработить Францию.

⁵¹ См. Дюкло Ж. «План Маршалла» и Франция. «За прочный мир, за народную демократию» № 4(7) от 15 февраля 1948 г.; Jean Bodu. L'imperialisme américain et la France. «Cahiers du communisme» № 1, p. 83—97. 1948.

⁵² С тех пор, как известно, нынешние правители Франции ушли далеко по дороге национальной измены. Подписанием брюссельского пакта 17 марта 1948 г., присоединением к Северо-атлантическому пакту, они пытаются превратить Францию в послушное орудие в руках американских империалистических поджигателей войны.

Так, например, в то время когда французское правительство всецело перешло в империалистический, антидемократический лагерь и формально и по существу примкнуло к враждебному всей подлинной демократии империалистическому «западному блоку», правые социалисты с бесстыдством, присущим только им, пытались в своих выступлениях и даже резолюциях представить «всерьёз», будто бы проповедуемая ими так называемая «международная третья сила» (коалиция Англии, Франции и других государств, где правые социалисты участвуют в правительстве) призвана бороться «против политики блоков» (?) и предотвращать борьбу блоков между собой⁵³.

Для сознательного, рассчитанного на обман масс лицемерия правых социалистов была не менее характерна и наглая попытка изобразить себя в роли «дружественных» посредников между Америкой и СССР. Так, Анри Леви-Брюль в статье в теоретическом органе социалистической партии, «Revue socialiste», обращаясь от имени французских «социалистов» к «советским друзьям» (?) и к «американским друзьям», «угovarивает» их примириться друг с другом, настойчиво напоминая при этом, что симпатии французских «социалистов» делятся поровну между теми и другими «друзьями».

Столь же показателен и другой жульнический трюк, к которому прибегает Леви-Брюль в той же статье: он пытается доказать, что СССР и США, в сущности, весьма близки... друг к другу и что хотя каждая из этих великих стран имеет свои достоинства и недостатки, хотя они в данный момент ведут борьбу, но обе великие демократии — Запада и Востока, — каждая своим путём, идут к одной и той же цели. «Разница в методах не должна скрывать тождество целей (!), которые они (США и СССР) преследуют»⁵⁴.

В этом поразительном литературном продукте двурушничества и лицемерия сама по себе примечательна та ложь, к которой вынуждены были до поры до времени прибегать правые социалисты: зная, как велик престиж и авторитет Советского Союза у французских рабочих, они, чтобы сохранить доверие рабочих, должны изображать из себя «друзей СССР», а чтобы привлечь симпатии рабочих к своим американским патронам, вынуждены кощунственно «доказывать» «близость» США и СССР.

Весьма показательным примером демагогического обмана масс правыми социалистами было и применяемое ими в пропаганде искусственное отделение «плана Маршалла» от «доктрины Трумэна», да и от других актов американской политики, которые выгоднее принести в жертву общественному негодованию против империализма Уолл-стрита. Так, в «Revue socialiste» Жан Лорен, один из правосоциалистических демагогов, пытался подробно «обосновать» существенное различие, якобы имеющееся между «доктриной Трумэна» и «планом Маршалла». Зная не хуже других, что это — одно и то же⁵⁵, Лорен, даже с некоторыми нотками морального осуждения, как и приличествует «социалисту», доказывает агрессивный и даже опасный характер «доктрины Трумэна», её воинствующую антикоммунистическую направленность, и резко отличает от неё «план Маршалла», «представляющий по сравнению с первой значительный прогресс»⁵⁶.

⁵³ Самая безудержная демагогия в этом направлении была развёрнута в прениях и резолюции Национального совета социалистической партии 16—17 декабря 1947 года. См. критику лживой «политики международной третьей силы» в превосходной статье Жоржа Коньо «La troisième force internationale ne vaut pas mieux que l'autre» «Humanité» от 7 января 1948 года.

⁵⁴ L é v y - B r u l l H. USA — URSS. «La Revue socialiste» № 13, p. 283—284. 1947.

⁵⁵ «План Маршалла» — это повторение в другой форме «доктрины Трумэна», — разоблачал эти софизмы орган компартии «Cahiers du communisme» № 10 за 1948 г., стр. 1110.

⁵⁶ L o r g a i n e J. Les tendances actuelles de la politique américaine. «La Revue socialiste» № 15, p. 494. 1947.

Превосходно зная, что он служит только одному хозяину — свирепой и жадной империалистической плутократии Уолл-стрита, — что он кормится от этого хозяина, независимо от того, кто украшает государственный департамент, Бирнсидли Маршалл или ещё кто-либо, Лорен тем же серьёзным тоном, пытается одурачить рабочих, разглаголяеству о том, что в политике США борются две тенденции: одна, идущая от «доктрины Трумэна», означает превентивную войну, другая, «хорошая», олицетворяемая Маршаллом и его «планом», стремится восстановить «здоровую и жизненную экономику» в некоторых частях мира ⁵⁷.

Так разнузданной демагогией, в геббельсовских масштабах фабрикуемой ложью пытаются правые социалисты скрыть своё превращение в продажную антинациональную агентуру американского империализма, пытаются замаскировать свою антинародную, предательскую политику закабаления Франции американским империализмом ⁵⁸.

Французские правые социалисты всей своей политикой доказывают на деле, что во всём они являются «верными пособниками империалистов, вносящими разложение в ряды рабочего класса, отравляющими его сознание» ⁵⁹.

Беспримерное предательство интересов французского народа правыми социалистами, несмотря на всю изощрённость их демагогии, несмотря на всё искусство маскировки социалистической фразеологией, разоблачает их в сознании рабочих масс как изменников французского народа, как слуг империалистической реакции. Влияние социалистической партии на массы падает — это неоспоримый факт, зарегистрированный в целом ряде явлений политической жизни Франции, в том числе и в провале попытки с помощью «Форс увриер» расколоть Всеобщую конфедерацию труда, в скандальном поражении социалистов на выборах в Малахове ⁶⁰, на коммунальных выборах и т. п.

В рядах самой социалистической партии, в низовых её организациях растёт резкое недовольство позорной политикой её лидеров. От социалистической партии фактически откололась группа «Батай социалист» ⁶¹. Все честные элементы, сохранявшиеся ещё в руководящих кругах социалистической партии, покинули её ряды ⁶². Зато к руководству вернулись такие троцкистские негодяи, как Марсо Пивер, зато «Popularité» восторженно хвастается присоединением к «третьей силе» растленного идеолога буржуазного маразма Ж. П. Сартра, зато правительственные «социалисты» стараются потушить скандал и сохранить в руководстве партии уличённого в крупном воровстве бывшего премьер-министра, «социалиста» Феликса Гуена.

Блюм, Рамадье, Жюль Мок, Ги Молле, Даниель Мейер и другие правые социалисты, возглавляющие руководство социалистической партии — эти боевые кадры американской партии во Франции — давно уже не имеют ничего общего с французским рабочим классом, имя которого они эксплуатируют в своей преступной политике; они его враги, они вра-

⁵⁷ Теперь, когда «план Маршалла» полностью провалился, французские лжесоциалисты уже не рискуют прибегать к этим софизмам.

⁵⁸ См. «Cahiers du communisme» № 3 за 1948 год. Jean Quillon «Blum — agent de la réaction internationale».

⁵⁹ Декларация совещания представителей некоторых компартий. «Правда» от 5 октября 1947 года.

⁶⁰ На выборах в Малахове 18 января 1948 г. компартия получила 48,4% голосов, несмотря на то, что в предвыборной борьбе социалисты фактически объединились не только с МРП, но и с деголлевцами. См. «Humanité» от 16 и 20 января 1948 года.

⁶¹ Часть покинувших социалистическую партию её бывших членов образовала унитарную социалистическую партию, выступающую сейчас против правых социалистов и по многим вопросам идущую вместе с компартией.

⁶² За два последние года французская социалистическая партия потеряла 55% своего состава.

ги французского народа, который они предают и продают американскому империализму.

Но чем явственнее разоблачается предательская, антинародная роль правых социалистов в сознании масс, чем больше растёт авторитет и влияние коммунистической партии на народ Франции, тем теснее связываются правые социалисты с другими силами империалистической реакции, тем старательнее они изощряются в новых способах лжи, демагогии и обмана, чтобы сохранить доверие и поддержку своих империалистических хозяев, чтобы сохранить своё место в рядах прислужников французской реакции и американского империализма, стремящихся разгромить и поработить французский народ.

Французские правые социалисты в сообществе с МРП, деголлевскими неонацистами и другими элементами американской партии уготовили Франции, недавно лишь избавившейся от германо-фашистского ига, новое ярмо — ярмо американской кабалы.

Непримиримая борьба против всей американской партии и в особенности против правых социалистов, подлеиших предателей французского народа, — необходимое условие избавления Франции от угрозы её полного закабаления американским империализмом, необходимое условие её возрождения. По этому пути ведёт французский народ его первая партия — героическая партия коммунистов Франции, передовой отряд французского рабочего класса, защитница французского народа, его коренных интересов, его свободы и независимости.

Свободолюбивый французский народ, рабочий класс Франции и его авангард, коммунистическая партия, не допустят превращения Франции в колонию американского империализма. Силы французского народа, рабочего класса, коммунистической партии велики. Они сумеют преградить дорогу американскому империализму и его французской антинациональной агентуре и довести до успешного конца борьбу за демократическое обновление своей родины, за её свободу и независимость.